

На Крайнем Севере

Окружать не всегда нужно. — Выстрелы и дипломатия. — Есть над чем подумать. — Слева горы, справа море. — Уникальный план. — Перед наступлением. — По тундре. — От Пеленги до Никеля и Киркенеса.

После завершения операции в Южной Карелии возобновилась подготовка к разгрому немецких войск на Севере. Временное полевое управление фронта срочно было переброшено в Кандавакшу. Туда же направились и некоторые соединения из 7-й армии. Помимо того, что усиливались наши части в Заполярье, немалое значение имело и ослабление противника в результате отвода финнами своих войск с нашей территории. Теперь южный фланг немецкой 20-й лапландской армии обнажился, и мы получили возможность планировать удары не только фронтальные, но также и окружающие, с заходом в тыл врага.

Что именно намеревалось предпринять немецкое командование в связи с новой обстановкой, мы не знали. Но предполагали, что оно рано или поздно будет вынуждено отвести свои войска из Северной Финляндии. Чтобы не дать противнику уйти безнаказанно, Военный совет фронта 4 сентября предупредил командующих всех трех наших северных армий о возможном отходе врага и потребовал привести войска в полную боевую готовность, с тем чтобы немедленно по особому приказу фронта перейти в наступление.

Наши предположения до некоторой степени оправдались. Опасаясь выхода советских войск во фланг 18-го горнотрелкового корпуса, немецкое командование 7 сентября начало отводить его с Ухтинского направления. Как только генерал Сквирский известил об этом штаб фронта, я немедленно приказал перейти к преследованию врага. Однако еще днем раньше было дано распоряжение 19-й армии [392] приступить к выдвиганию основных сил обходящей группировки в тыл 36-го немецкого армейского корпуса. К этому обходу наши войска готовились задолго до наступления. Они тщательно изучили предполагаемый маршрут движения, до деталей продумали все вопросы прокладки колонных путей, построение походных колонн, обеспечение и охранение их на марше. Чтобы прокладка колонных путей не задерживалась, в голове каждой колонны должны были двигаться саперы, а головным стрелковым подразделениям роздали топоры, саперные лопаты, пилы и ломы. Перед выступлением все бойцы пополнили неприкосновенный запас продовольствия, увеличили запас патронов и ручных гранат. Ведь в тяжелых условиях лесисто-гористой местности района Пяозеро — Куйто, при почти полном отсутствии дорог и занятости нашей авиации в других местах снабжение частей, оторвавшихся от тыла, было бы сложной проблемой.

19-я армия оказалась на высоте. Совершив по трудной местности почти 100-километровый марш, она в ночь на 12 сентября внезапно для противника, далеко обойдя его позиции, перерезала коммуникации. Одновременным прорывом на северном участке и обходом на Южном вспомогательном направлении армия поставила немцев перед угрозой разгрома. Опасаясь полного окружения, фашисты стали спешно покидать позиции. Бросая военное имущество и снаряжение, они устремились в сторону Северной Финляндии. Получив известие, что 19-я армия оседлала дорогу в районе Кайралы, я немедленно доложил об этом по прямому проводу первому заместителю начальника Генштаба генералу армии А. И. Антонову. Выслушав меня и попросив уточнить некоторые детали, он сказал: «Ждите распоряжения». Я ожидал приказа о боях на уничтожение окруженного врага. Но ночью мне принесли телеграмму, в которой говорилось: ни в коем случае не ввязываться в тяжелые бои с отходящими частями противника и не изнурять наши войска

глубокими обходами; уничтожение фашистов вести в основном огневыми средствами, расставленными вдоль дороги, по которой те отходили.

Это была новая установка, и она мне, признаться, не совсем была понятна. Поэтому я позвонил в Ставку и попросил разъяснить, чем вызван отказ от наступательных действий на окружение 36-го немецкого армейского корпуса. Мне ответили приблизительно так: самое главное [393] сейчас — сохранить силы для решения первоочередной задачи в Заполярье: освободить Печенгскую область. Крайний Север имеет для Германии огромное значение. Там находятся разработки никеля и расположены важные военно-морские и авиационные базы, где сосредоточены подводные лодки и самолеты для действий на наших морских сообщениях. Немцы оттуда не собираются уходить. Их придется выдворять силой. Погоня же за 36-м корпусом потребует расхода резервов, без которых начинать операцию на Мурманском направлении будет невозможно. «Но разве я не смогу использовать имеющиеся резервы?» — спросил я. «Нет, — ответили мне, — Ставка вам ничего не даст. Наоборот, не исключена возможность, что в ближайшее время мы заберем у вас часть сил для переброски на Западное направление, причем речь пойдет именно о тех соединениях 19-й и 26-й армий, которые сейчас преследуют немцев».

Таков был военный аспект проблемы. В дальнейших разъяснениях он не нуждался. Мы обязаны были сохранить силы, имевшиеся в центральном районе Карельского фронта, для других фронтов, а самим надо было думать о том, как бы поскорее перебросить 31-й стрелковый корпус из-под Кандалякши к Мурманску, чтобы освободить Заполярье до того, как туда подоспеют отступавшие по финляндским тылам силы немцев. Стратегическая разведка установила, что Берлин не собирается оставлять свои базы в Северной Норвегии и никелевые разработки в Северной Финляндии. Но, как оказалось, имелся еще и политический аспект проблемы, о котором Ставка не могла либо не считала нужным сообщать в войска. Этот аспект раскрылся сам собою через две недели, когда отступавшие из районов Кандалякши, Ухты и Центральной Финляндии немцы добрались до Ботнического залива. Все это время шли переговоры Москвы с Хельсинки относительно соглашения о перемирии, и 19 сентября оно было подписано.

В сложившихся условиях пребывание немецких войск на территории Финляндии было для последней весьма опасным. Боясь, что Советское правительство укажет Финляндии на несоблюдение ею пунктов соглашения и возможных от этого последствий, Хельсинки были вынуждены силой выдворять немцев. Этот эпизод в историческом плане весьма поучителен. Даже на войне бывают случаи, когда политическое решение проблемы оказывается важнее и эффективнее военного решения. [394]

Линия нашего правительства была верной. Финляндский министр иностранных дел заявил германскому послу о том, что между их странами отношения порваны, и радировал еще в начале месяца во все концы Финляндии о выводе к 15 сентября немецких войск с финской территории. Не желая сражаться со своим бывшим союзником, командование вооруженных сил Финляндии обратилось в штаб 20-й горной армии немцев с предложением разрешить вопросы полюбовно. Как нам стало известно несколько позднее, немцы согласились лишь отодвинуть границу финской военной зоны до северного берега Ботнического залива. Дело в том, что накануне нападения на СССР Германия и Финляндия договорились о «разделе сфер влияния»: от порта Оулу тянулась на восток воображаемая линия, севернее которой все военные операции осуществляли немцы. Теперь линия сдвигалась с 65-й параллели примерно до 66-й и далее вдоль советской границы. Это значило, что Лапландия по-прежнему оставалась в руках немцев.

Между тем 19 сентября Финляндия приняла на себя обязательство изгнать либо интернировать все еще оставшиеся в ее пределах войска Германии. Вот здесь-то и вступили в действие те факторы, которые имело в виду наше правительство. В конце сентября финны попытались выдворить немцев из приморских городов Кеми и Торнио, и в течение первой недели октября им удалось это сделать, после чего они предприняли наступление на город Рованиеми. Там находился штаб 20-й горной армии, которой командовал немецкий генерал-полковник Л. Рендулич. Спалив дотла Рованиеми, оккупанты начали отступать на Петсамо, все разрушая за собой. Это возбудило в местном населении ненависть. Обманутые ранее официальной пропагандой, многие финны поняли теперь смысл происходившего. У них открылись глаза, и они стали помогать своим войскам изгонять немцев. К концу октября войскам Финляндии удалось расчлнить немецкие полки надвое. Одна их часть отошла на северо-запад, где удерживала район Кильписярви возле норвежской границы. Другая заняла позиции у озера Инари, прикрывая дорогу на Петсамо. В течение ноября финны медленно продвигались дальше, тесня отряды Рендулича. Им понадобилось целых шесть месяцев, чтобы очистить от немцев район Кильписярви. Но нас это не смущало, так как тот отдаленный участок не имел существенного значения. Гораздо важнее было, что немецкие [395] войска, отступившие в сторону Петсамо, соединились с находившимися в Северной Лапландии.

На дальнейшую помощь со стороны финнов рассчитывать не приходилось, так как к началу декабря они стали переводить свои вооруженные силы на мирное положение. Ликвидация немецкой группировки в районе от Петсамо до озера Инари и Киркенеса оставалась делом Карельского фронта. Так развернулись события в течение осени и позднее. Пока же, в середине сентября, нужно было дать толчок финнам, чтобы они приступили к операциям против Германии. Как мы видим, военный аспект проблемы тесно переплелся здесь с политическим.

То, что не сразу стало ясно и мне, оказалось совершенно непонятным командующему 19-й армией Г. К. Козлову. Когда я передал ему новое распоряжение, он долго не хотел поверить в случившееся. Идея окружения вражеской группировки была столь заманчивой, что мне пришлось повторять приказ в письменном виде, а затем туда выехал начальник Политуправления фронта генерал-майор К. Ф. Калашников со специальным заданием проконтролировать выполнение. С этого момента преследование противника приняло мобильный характер, без трудных и длительных обходов. Наши войска гнали врага с советской земли, уничтожая его всеми видами огня. К 17 сентября 26-я армия вышла на довоенную государственную границу с Финляндией, а к 30 сентября очистила от фашистов советскую землю и 19-я армия.

Теперь почти вся советская граница от гранитных скал Лапландки до Ладужской низменности была восстановлена. Противник оставался пока лишь на Крайнем Севере, где, укрывшись за мощными железобетонными и гранитными укреплениями, стоял 19-й горнострелковый корпус немцев. В течение трех лет враг возводил здесь лапландский оборонительный вал. С выходом Финляндии из войны дополнительные оборонные работы носили просто лихорадочный характер. Наша разведка беспрестанно сообщала, что специальные строительные части противника круглые сутки вгрызаются в гранит, возводят новые железобетонные и бронированные огневые точки и укрытия, прокладывают траншеи и ходы сообщения. Перед нами на фронте длиной 90 километров тянулись надолбы и противотанковые рвы, густые минные поля и проволочные заграждения. Они перехватывали все горные перевалы, лощины и дороги, [396] а господствующие над местностью высоты представляли собой настоящие горные крепости. Кроме того, со стороны моря их прикрывала береговая и зенитная артиллерия в

полевых капонирах. Меж укреплений лежали бесчисленные озера, речки, цепи отвесных скал, болота и топи.

Опираясь на оборонительный вал, немцы надеялись не допустить советские войска к Норвегии и сохранить свою базу на Баренцевом море. Всего петсамо-кирккенесская группировка насчитывала 53 тысячи солдат, 770 орудий и минометов, 160 самолетов и 200 кораблей. Штабу Карельского фронта (новый начштаба с осени — выдвинутый на эту должность по моему предложению генерал-лейтенант А. Н. Крутиков) и командующему фронтом было над чем поломать голову. В перехваченном нами приказе командир 2-й горноегерской дивизии генерал-лейтенант Деген, ссылаясь на приказ Гитлера во что бы то ни стало удержать позиции в Северной Финляндии, в частности район, никелевых разработок, писал: «Мы дадим, русским возможность нахлынуть на сильно укрепленные опорные пункты, а затем уничтожим их контрударом. Все преимущества на нашей стороне. Наличие, готовых к контрударам маневренных резервов даст нам возможность, нанести удар в тот момент, когда противник истечет кровью от, воздействия смертоносного огня наших опорных пунктов. Нам приказано удержать фронт, несмотря на политические изменения в Финляндии. Это значит, что фронт будет удержан. Вам известно, почему так должно, быть: нам нужны никель и медь, вырабатываемые на заводе в Колосиоки. В ближайшие дни здесь снова начнут дымиться плавильные печи. Кроме всего прочего, мы должны именно здесь доказать русским, что еще существует немецкая армия и держит фронт, который для них недостижим».

Гитлеровцы продолжали подбрасывать на север подкрепления и по суше, и по воздуху, и морем. На полуострове Варангер в горах обосновалась в тылу противника разведгруппа отряда особого назначения Северного флота. Три смельчака во главе с В. Лянде регулярно сообщали своему командованию о движении вражеских транспортов по Варангер-фьорду. Из сообщений, пересылаемых и нам, явствовало, что район между Петсамо и Киркенесом быстро наполняется войсками. Медлить было нежелательно.

В ходе подготовки к наступлению мы неоднократно обсуждали различные варианты наилучшего использования [397] боевых сил фронта. Большинство стояло за маневренные действия. Но раздавались голоса и против. Некоторые утверждали, что маневр крупных масс войск и тяжелой техники в Заполярье невозможен. Эти командиры были не правы. Но их мнение по-своему объяснимо. Оно отражало специфику местных природных условий. Как известно, немцам после начала войны менее всего удалось вклиниться на нашу территорию именно в районе Мурманска. И хотя главную роль сыграли здесь стойкость и мужество советских воинов, определенное значение имели и крайне неблагоприятные для организации наступления ландшафтно-климатические особенности Мурманской области. Конечно, за истекшие три года природа здесь не изменилась, так что теперь уже нам, а не немцам нужно было преодолевать прочную оборону противника в условиях, казалось бы, прямо созданных для того, чтобы пресечь любые попытки активных боевых действий. С этой точки зрения боевые операции в Заполярье являлись в истории Великой Отечественной войны уникальными, ибо нигде более нам не довелось обороняться и наступать в такой природной зоне. Мало того, эти операции были по-своему единственными во второй мировой войне вообще, а если принять во внимание массу действовавших войск и современные технические средства, то и во всей военной истории. Отсюда вытекает и их поучительность со всеми их успехами и недостатками.

Чтобы читатель, не являющийся по профессии военным или не бывавший в тех местах, понял, что имеется в виду, остановимся вкратце на описании местности. Представьте себе приморское плоскогорье, лежащее севернее Полярного круга. С частично не замерзающего, но все же весьма холодного моря еще дуют характерные для мурманского

лета сильные ветры в глубь континента. Они перемежаются с уже набирающими силу зимними ветрами в сторону моря. При очень частой осенней непогоде снег мешается с дождем, а ночами сплошь и рядом бывают заморозки. Холодный воздух постоянно насыщен влагой. Нередко сквозь туманы Гольфстрима прорывается дуновение Северного Ледовитого океана, и тогда становится совсем невесело. Под ногами тундра, сырая и какая-то неуютная, снизу веет безжизненностью: там, в глубине, начинается лежащая островками вечная мерзлота, а ведь солдатам приходится спать на этой земле, подстилая под себя лишь одну полу шинели. [398]

Вокруг светятся бесконечные озера. Между ними хлюпают болота с кочками, мхами, лишайниками и карликовыми деревьями. Серые торфяники исполосованы частыми трещинами, из которых брызжет ледяная вода. Порой земля вздымается голыми громадами гранитных скал. Они рассечены быстрыми и порожистыми реками, текущими в основном с юго-запада на северо-восток. А продвигаться нам нужно на запад. Это значит, что все реки придется форсировать, одну за другой. Люди мерзнут здесь сильнее, чем в более холодных районах, но с континентальным климатом. Замерзают и машины: разогреть моторы очень трудно; горючего уходит гораздо больше нормы, а его-то и не хватает, что существенно снижает возможности использования техники. Немало забот вызывали и химические грелки. Так как единственная железная дорога осталась в стороне, то подвозить снаряжение, продовольствие и боеприпасы приходилось на кораблях (увы, лишь до берега), на плохо работавших автомобилях, на лошадях, которых нечем было кормить, и на капризных оленях. Все мало-мальски пригодные для продвижения места были перехвачены со стороны немцев лапландским оборонительным валом, а в промежутках царило дикое бездорожье.

Тем не менее нужно было воевать. И не просто воевать, а наступать, бить врага, гнать его и уничтожать. Пришлось вспомнить слова великого Суворова: «Где прошел олень — там пройдет и русский солдат, а где не пройдет олень — там все равно пройдет русский солдат». Войска Карельского фронта прошли там, где никогда не ступала нога человека, доказав всему миру, что наша армия способна преодолеть любые преграды.

В основе нашего плана предстоящей операции лежала идея флангового обхода главных сил 20-й лапландской армии и главных укреплений противника, прорыва южнее озера Чапр с последующим маневром основных соединений фронта и кораблей Северного военно-морского флота на окружение и разгром вражеской группировки в районе Петсамо, чтобы прижать ее к морю и отсечь от норвежских портов. На Петсамо (Печенгу) вело четыре дороги. Одна — из Линахамари, лежавшего севернее, у горловины фьорда Петсамо-йоки, Туда раньше времени нашим кораблям нельзя было соваться, а иных подходов, кроме как с моря, не было. Другая дорога шла с запада, из норвежской гавани Тарнет. Эта дорога для нас была пока недоступна. [399]

Третья тянулась с востока, от селения Титовка-Река, лежавшего в сердце немецких позиций. И сюда сразу не доберешься! Четвертая, с юга, соединяла Петсамо с Луостари узлом ряда других дорог. Вот этот-то узел и приковал к себе наше внимание. Нужно было прорваться в район Луостари, вонзившись в тыл врага и оттянув сюда его силы с оборонительного вала, дать возможность преодолеть этот вал с трех сторон комбинированными ударами сухопутных частей и морской пехоты, а тем временем развивать успех из Луостари также в трех направлениях: на Петсамо, в сторону норвежской территории и на Никель — Наутси, где лежала важная промышленная база немцев с подъездными к ней путями. Конечной целью операции являлось полное очищение от врага советской земли на Севере и содействие освобождению Норвегии. Главный удар на Луостари наносили 99-й и 131-й корпуса 14-й армии, а также 126-й и

127-й легкострелковый корпус. Последние должны были совершить глубокий обходный маневр по тундре и перерезать коммуникации противника, а с рубежа Луостари вводилась в бой в направлении на Петсамо 7-я гвардейская танковая бригада, которая должна была воспрепятствовать отходу врага в Норвегию.

В таком виде план был доложен Ставке и утвержден с небольшими поправками. Северному флоту ставилась задача: блокировать побережье, занятое противником, и изолировать петсамскую группировку со стороны моря, содействовать 14-й армии в рассеивании неприятельской обороны и овладении портами; береговой артиллерии, кораблям огнем поддерживать наступление наземных войск на приморском участке. Для окончательного согласования совместных действий 29 сентября на КП фронта прибыли командующий Северным флотом А. Г. Головкин и член Военного совета флота А. А. Николаев. Решили, что бригады морской пехоты, входившие в состав Северного оборонительного района, прорвут фронт противника на перешейке полуострова Среднего, после чего отрежут вражеским войскам пути отхода с основных рубежей по реке Западная Лица и затем будут сами наступать на Петсамо, как только 14-я армия прорвет главную полосу обороны. Кроме того, флот обеспечивал высадку морского десанта, перевозку прибывавших резервов и снабжение 14-й армии из Мурманска. [400]

Перед началом операции мне все чаще приходилось задерживаться в соединениях. Возникали всевозможные вопросы, которые требовалось решать на месте и без промедления. Самым трудоемким делом оказалась перегруппировка войск, а также накопление боеприпасов, горючего, смазочных масел, продовольствия, инженерных средств и дров. Получилось так, что на разрешение тыловых вопросов командованию фронта пришлось потратить даже несколько больше времени, чем на оперативные проблемы. Надвигалась полярная ночь, близилась зима. Приходилось заранее завозить в войска припасы на будущее, да еще с учетом того, что армии придется многое тащить с собой по бездорожью в ходе боевых действий.

Немалую помощь оказали командованию политработники. В те напряженные дни они трудились круглые сутки. В Политуправлении фронта почти никого не было; люди находились в дивизиях и корпусах. Все знают, что во время гражданской войны нередко на входных дверях партийных и комсомольских районных организаций висели объявления: «Райком закрыт, все ушли на фронт». Думаю, что политорганы Карельского фронта с тем же успехом могли тогда вывесить таблички: «Политуправление фронта закрыто, все ушли в соединения» или: «Политотдел закрыт, все ушли в части». Конечно, кто-то дежурил, но вся политработа кипела тогда у переднего края.

1 октября мы выехали на наблюдательный пункт 14-й армии, откуда с командармом Щербаковым отправились еще раз осмотреть местность, удостовериться в проведении намеченных работ, встретиться с командирами и солдатами. А через два дня, совершив переход на оленях, а потом на лыжах, я окончательно переселился в тундру, поближе к войскам. Туда же перешло и Полевое управление фронта. Перед началом наступления мы с членом Военного совета Т. Ф. Штыковым посетили 131-й стрелковый корпус, который должен был вести бои на главном направлении. В корпус входили две стрелковые дивизии — 10-я гвардейская и 14-я. Это были те самые дивизии, которые осенью 1941 года преградили путь немецко-фашистским захватчикам на Мурманск. Штыков поехал в 14-ю дивизию, а я в 10-ю. Последняя получила свое гвардейское звание за сентябрьские бои 1941 года. Командовал ею генерал-майор Х. А. Худалов. С ним мы побывали в полках и батальонах. Дивизия состояла в основном из бывалых воинов. У многих виднелись [401] на груди ордена и медали. Одним из них был ефрейтор Михаил Ивченко, через сутки своим телом закрывший амбразуру вражеского дота. Я приказал собрать в одно место

орденоносцев. Через полтора часа за гранитной скалой, нависшей над котлованом, сидело около ста человек. Это были надежные и бесстрашные воины. После душевной беседы о «делах житейских», длившейся около получаса, я рассказал, какие мощные силы будут обеспечивать наступление фронта, а затем обратился с такими словами:

— Солдаты! Завтра утром наши войска переходят в наступление, чтобы изгнать немецко-фашистских захватчиков и освободить советское Заполярье. Именно вам, гвардейцам, кто долгие месяцы держал в сопках оборону, закрыв все пути к Мурманску, Военный совет фронта доверяет нанести первый удар по врагу. Надеемся, что вы оправдаете доверие.

— Оправдаем, товарищ генерал армии! — хором ответили солдаты и сержанты.

С тех пор прошло почти четверть века, но у меня в ушах как будто все еще стоят их голоса.

В ту ночь я долго не спал. То одно, то другое приходило на ум, беспокоило, терзало. Перед наступлением всегда так бывает, и сколько бы раз это ни повторялось, успокоение не приходит. «А как поведут себя танки?» — думалось мне.

Дело в том, что мы решили применить (впервые в условиях Крайнего Севера) тяжелые танки «КВ». К такому решению пришли в результате тщательного изучения противотанковой обороны противника, которая почти на всем протяжении фронта была построена с учетом поражения легких и средних танков. Но фронт своих тяжелых танков не имел. Пришлось обращаться в Ставку. Любопытно отметить, что моя просьба вызвала удивление. Мне даже попытались объяснить, что средние танки «Т-34» лучше, чем «КВ», что они обладают более высокой маневренностью и проходимостью и имеют достаточно крепкую броню. «КВ» считались уже устаревшими. Наконец Ставка согласилась, и мы получили полк тяжелых танков. Забегая вперед, скажу, что они сыграли огромную роль.

Беспокоила меня мысль и об амфибиях. Для безостановочного преодоления водных преград, особенно при движении вдоль побережья, которое пересекается многочисленными реками и фьордами, нам прислали (по нашей просьбе, конечно) плавающие автомашины — два батальона. [402]

Предполагалось, что эти батальоны будут придаваться тем соединениям и частям, на пути которых в ходе наступления возникнут водные преграды. Картины пересекающих фьорды амфибий сменялись в мозгу образами взлетающих на воздух мостов: мы послали в тыл противника не простых разведчиков, а три отряда саперов, подготовленных энергичным инженером подполковником Д. А. Крутских. От этих отрядов поступали ценные донесения, которые держали командование в курсе изменений, происходивших в обороне противника. Помимо этого саперы контролировали дороги, подрывали мосты и уничтожали телефонные линии, внося дезорганизацию в работу немецкого тыла. Наконец, они неоднократно наводили нашу штурмовую и бомбардировочную авиацию на скопления вражеских войск. Предполагалось в ходе наступления забросить в тыл противника еще два таких же отряда, и я размышлял о том, где и как им лучше было бы действовать.

Наступило утро 7 октября. За несколько минут до начала артиллерийской подготовки я прибыл на наблюдательный пункт. Там уже находился командующий артиллерией генерал Дегтярев и другие ответственные лица из управления фронта. Перед нами лежала пустынная, спокойная тундра. Чуть дымились под легким ветерком сопки. Накрапывал дождь. Ничто не напоминало о присутствии войск. Стояла полная тишина. Стрелка часов

приблизилась к 8.00. И тут раздался мощный грохот, переросший в сплошной гул. Началась артиллерийская подготовка атаки. Два с половиной часа артиллерия вела огонь. К концу артподготовки уже невозможно было что-либо рассмотреть в расположении противника. Все пространство, насколько хватает глаз, покрылось густым черным дымом. А затем повалил мокрый снег, и видимость с воздуха окончательно исчезла. Вылет авиации для нанесения бомбовых ударов пришлось отменить. Однако изменять все прочее было уже поздно. Правда, мы предвидели каверзы со стороны погоды и поставили перед «богом войны» дополнительные задачи, так что теперь на артиллерию возлагались все надежды. Точно в 10.30 она перенесла огонь в глубину, и уже через несколько минут до НП долетело «ура!». Это пошла в атаку пехота. Наступление началось.

131-й корпус в первый же день достиг реки Титовка. Менее удачно развивались первоначально дела у 99-го корпуса. Ему не удалось овладеть опорными пунктами врага в [403] главной полосе обороны. Поднявшиеся в атаку стрелковые подразделения первого эшелона, попав под сильный огонь, вынуждены были залечь. Тогда комкор генерал-майор С. П. Микульский, всегда отличавшийся инициативой и настойчивостью, принял хотя и дерзкое, но правильное решение: раз не удалось сломить противника днем, попытаться сделать это ночью. Ровно в 24.00, проклиная на чем свет стоит гитлеровцев и непогоду, солдаты рванулись вперед, и на этот раз фашисты не выдержали. К восьми утра передний край врага был в наших руках.

Как только на КП получили донесение, что оборона противника прорвана, я поехал на место сражения. Всюду видны были следы работы нашей артиллерии: валялись подбитые орудия и минометы, темнели развороченные огневые точки и укрытия. Среди множества трупов в грязно-зеленых шинелях с жестяными эдельвейсами на пилотках попадались и трупы в комбинезонах. Рядом лежали перфораторы, в укрытии стоял компрессор. Видно было, что немцы до самой последней минуты продолжали возводить оборонительные сооружения.

Вечером 9 октября я связался по прямому проводу с А. Г. Головкин и передал ему, что пришла пора для наступления с полуострова Среднего. Одновременно я приказал командарму В. И. Щербакову двинуть вперед войска группы генерал-лейтенанта Б. А. Пигаревича. В нее входили соединения, располагавшиеся восточнее реки Западная Лица, в том месте, где немцы глубже всего вклинились в нашу территорию, пытаясь дотянуться до Мурманска. В сильный снегопад группа войск Пигаревича перешла в наступление. В ту же ночь моряки высадили десант во фьорде Маттвиуоно, перевалили через хребет Муста-Тунтури и, отрезав часть немецких сил, двинулись на Петсамо.

Хорошие сообщения поступали и с крайнего левого фланга. Здесь 126-й легкострелковый корпус под командованием полковника В. Н. Соловьева успешно совершал обходный маневр. Все металлические предметы заранее были обернуты, артиллерия, минометы и пулеметы навьючены на лошадей и оленей. Шли очень тихо. Тяжело пришлось при форсировании рек. Поднимая над собой оружие и боеприпасы, бойцы двигались по груди в ледяной воде. На подходах к вершине Куорпукас солдаты, как альпинисты, карабкались по диким и скользким гранитным сопкам. Но ничто не могло их остановить. «Поход через тундру — это сам по [404] себе героический подвиг, который под силу только советскому воину, беспредельно преданному своему воинскому долгу, своей Родине» — так писала газета «Правда» в номере от 6 декабря 1944 года.

На четвертый день беспримерного похода 126-й корпус достиг дороги Петсамо — Салмиярви и западнее Луостари перерезал ее. Лишившись основной коммуникации, обеспечивавшей выход на юг, противник бросил против корпуса все, что имел под

руками. «Все полностью моторизованные части, — вспоминал немецкий генерал-лейтенант Хелитцер, — все части, которые могли быть погружены на транспортеры, форсированным маршем направлены в район Колосиоки».

Перед нашими стрелками появилась затем и самокатно-разведывательная бригада «Норвегия», и батальон аэродромного обслуживания, и многие другие вражеские части и подразделения. «Все промелькнули перед нами, все побывали тут...» Но корпус отбил ожесточенные атаки, а затем снова начал продвижение, перехватив и вторую дорогу: Петсамо — Тарнет. Теперь северная группировка противника была лишена своих последних наземных коммуникаций.

По стопам собрата шел 127-й легкострелковый корпус под командованием генерал-майора Г; А. Жукова. Ночью он овладел аэродромом в Луостари, а затем совместно со 114-й дивизией 99-го корпуса очистил этот населенный пункт от вражеских войск. Противник, продолжавший удерживать Петсамо, был теперь обложен со всех сторон, так как с востока подходили морская пехота и соединения группы Пигаревича, с юга рвался 131-й корпус, на западе контролировала обстановку 72-я морская бригада, а с севера угрожал десант Северного флота, овладевший 13 октября гаванью Линахамари. Приближалась развязка. Два дня новых яростных схваток — и над Петсамо взвился красный стяг. Еще в 1533 году русские возвели в Печенге свои первые хижины. Затем старинный порт, лежащий в начале широкой и удобной для мореходов губы, не раз менял «хозяев», пока история не возвратила ему право красоваться под флагом потомков его первопоселенцев.

Вырвавшиеся из окружения остатки разбитых фашистских частей, ускользнувшие от разгрома, потянулись к Северной Норвегии. Отступая, они придерживались тактики тотального разрушения: взрывали мосты и дорожные трубы; [405] ломали придорожные скалы, заваливая проходы; бомбили с самолетов дорожное полотно; минировали не только самые дороги, но и их обочины, в особенности горные дефиле и объезды.

Оставляя арьергарды на заранее подготовленных промежуточных позициях, противник старался замедлить темп продвижения наших войск, с тем чтобы оторваться от них и выиграть время для занятия обороны на двух новых рубежах — в Северной Норвегии и в районе Никеля. Таким образом, перед нами встала двоякого рода задача: завершить разгром фашистской армии в районе Никеля, лишив немцев важнейшего промышленного района; нанести удар по базам фашистского флота в Северной Норвегии и помочь ее жителям освободиться от оккупационного гнета. Это значило, что Красной Армии необходимо было перейти норвежскую границу.

Русские люди встречались с норвежцами именно здесь еще 700 лет назад. Тогда «господин Великий Новгород» заключил дружественное соглашение с подданными норвежского короля Хокона Хоконсона о пограничной зоне у Кольского полуострова. И вот через семь веков опять нужно было решать вопрос об упрочении между двумя странами добрососедских отношений. Мурманская область граничила с норвежской областью Финмарк, а нашему 131-му корпусу, подступившему к норвежской границе у озера Вуоремиярви, довелось первым утвердить сей факт.

Что касается района Никеля, то оборона его была возложена на группу войск, возглавленную немецким генералом Фогелем. Собрав в один кулак части и подразделения, отступившие от Луостари и перебазировавшиеся сюда из Финляндии, Фогель надеялся, согласно директиве из Берлина, затянуть сопротивление на возможно более длительный срок. Однако Карельскому фронту понадобилась всего неделя, чтобы

дойти до Никеля, и еще пять дней на преодоление с боями 80-километровой гранитно-болотистой пустыни, отделявшей гору Куорпукас от Наутси. 27 октября 31-й корпус генерал-майора Минзакира Абсалямова ворвался в Наутси с востока, а 127-й легкострелковый корпус — с севера. Южнее лежала вышедшая из войны Финляндия.

Сложнее обстояло дело с немецкими базами в Северной Норвегии. Узнав о выходе наших войск на норвежскую границу, я тотчас доложил об этом И. В. Сталину и попросил [406] разрешения на переход ее. Одновременно изложил соображения командования фронта по овладению Киркенесом — главной морской и воздушной базой фашистов в данном районе. Откровенно говоря, я ожидал наряду с согласием услышать еще всевозможные указания относительно политической линии поведения войск. Ответ Верховного главнокомандующего на заданный вопрос оказался весьма кратким: «Это было бы хорошо!» Так начались операции в Норвегии. Это была к тому времени седьмая страна, которой Красная Армия несла освобождение от гитлеровского ига.

22 октября 131-й корпус начал бой за город Тарнет. Одновременно морская пехота при артиллерийской поддержке флота очищала побережье. Отходя к Киркенесу, противник во все больших масштабах применял различные заграждения и производил всевозможные разрушения на дорогах. Путь на Киркенес был сильно заминирован, а подвесной мост через фьорд взорван. Это замедлило темпы нашего продвижения, которое осуществлялось под артиллерийско-минометным обстрелом, мешавшим разминированию. Тогда мы попытались обойти врага, форсировав Яр-фьорд на амфибиях и рыбацких лодках. Берега фьорда были скалисты и обрывисты. Найти место для спуска оказалось делом нелегким. Наконец амфибии вошли в залив. Спереди и слева рвались снаряды, справа набегали крутые волны, крутились воронки и водовороты. Лодки оказались более устойчивыми, чем легкие амфибии. Некоторые из амфибий переворачивались и тонули. Большую помощь оказали бойцам норвежские патриоты, вышедшие в море на двух мотоботах. Они спасали экипажи подбитых амфибий и, несмотря на обстрел, переправляли их на другой берег. Когда затем при форсировании Эльвенес-фьорда пришлось начинать все сначала и 14-я дивизия наводила десантную переправу на плотках, местные жители снова оказали нам поддержку. Особенно врезались мне в память имена рыбаков Перла Нильсена, Турольфа Пало и Моргена Генсена. Эти патриоты рассматривали боевые успехи Красной Армии как свое кровное дело и не щадили сил, чтобы хоть чем-нибудь помочь русским братьям. Так же поступали в Бек-фьорде Мартен Хандсен и Усланд Хансен.

В 9 часов утра 25 октября наши передовые части ворвались в Киркенес. Невеселая картина открылась их глазам. Отступая, немцы взорвали все портовые сооружения, разрушили административные здания и жилые помещения. [407]

Лишь на окраине города кое-где стояли чудом уцелевшие домики. Когда смолкли выстрелы и установилась тишина, стали появляться жители города, выходившие из пещер, где они вынуждены были скрываться от фашистов. Киркенесцы радостно встречали советских воинов. Трогательно было видеть, как обычно сдержанные северяне со слезами на глазах обнимали своих освободителей. Девушки окружили вниманием и заботой наших раненых бойцов. Юноши помогали им добираться до госпиталей.

Сейчас в центре Киркенеса стоит фигура советского бойца с автоматом в руке. Это каменное изваяние создано норвежским скульптором С. Фредриксенем. На памятнике виднеется надпись: «Отважным советским солдатам в память об освобождении города Киркенеса в 1944 году».

О Киркенесе у нас писали не раз, причем все время в таком духе, что у читателей могло сложиться представление, будто в Северной Норвегии объектом освобождения явился едва ли не один Киркенес. Но это не так. Назову наиболее значительные населенные пункты, которые тоже видели в те дни красные звезды на солдатских шапках: Кояг-Оскар-П, Крофтфетербукт, Стурбукт, Тарнет, Бьерневанн, Саннес, Фоссторд, Виерлунн, Трангсунд, Сванвик, Воктерболиг, Лангфьордботн, Бухольмен, Мункельвен, Нейден.

Нейден был последним пунктом, до которого дошел Карельский фронт. Дальнейшее преследование противника было нецелесообразным. Рассредоточившиеся группки немцев попадали в плен к борцам норвежского Сопротивления. Впереди лежал полупустынный, горный, весь изрезанный фьордами район. Приближалась полярная ночь. Начались сильнейшие снегопады, на дорогах появились заносы и почти непреодолимые завалы. Высланная от Нейдена на северо-запад разведка донесла, что движение сопряжено с громадными трудностями, а противника нет.

На созванном 28 октября Военном совете фронта мы констатировали, что операция подошла к концу. Задачи, которые были поставлены Карельскому фронту и Северному флоту, выполнены полностью: немецко-фашистские захватчики разгромлены, а их остатки выброшены с Советского Севера. Оказана помощь в освобождении Норвегии. В ночь на 29 октября я позвонил в Ставку и доложил о решении Военного совета фронта завершить на этом операцию. «Хорошо, — ответил мне подошедший к телефону [408] И.В. Сталин, — мы обсудим ваше предложение. Вы же разберитесь во всем основательно, подумайте о возможных деталях еще раз и вечером доложите окончательно».

На командном пункте 14-й армии я, мой заместитель В. А. Фролов и командарм Щербаков изучили ситуацию еще раз. Все говорило о том, что дальнейшее продвижение в военном отношении бесперспективно. Я вылетел в Мурманск.

Вернувшись в Мурманск, я порадовался скорому возвращению, так как тут же позвонил И. В. Сталин. «Мы согласны с решением Карельского фронта, — сказал он. — Дальше в глубь норвежской территории не продвигаться! До получения указаний об использовании войск фронта надежно прикройте основные направления на достигнутых рубежах и создайте сильные резервы, а сами выезжайте в Ставку».

Так закончилась Петсамо-Киркенесская операция, приведшая к установлению мира на Крайнем Севере. Победы воинов Заполярья Москва трижды отмечала торжественным салютом: в первый раз — 15 октября, после освобождения Печенги; во второй — 25 октября, когда наши войска пересекли государственную границу Норвегии и затем овладели Киркенесом; в третий раз — 1 ноября, когда Карельский фронт полностью очистил от немецко-фашистских захватчиков Печенгскую область. В ознаменование одержанных побед и в память о героической обороне Заполярья в 1941 — 1944 годах Президиум Верховного Совета СССР учредил медаль «За оборону Советского Заполярья». В бронзе медали запечатлен советский солдат в полушубке, шапке-ушанке и с автоматом в руках. Он изображен на фоне боевых кораблей, самолетов и танков. Эта медаль является ныне напоминанием о трудных и славных делах наших воинов. «Героическая защита Заполярья, — писала 6 декабря 1944 года газета «Правда», — войдет в историю нашего народа как одна из самых ярких, самых запоминающихся страниц. Здесь враг был остановлен осенью 1941 года. Здесь находится участок, где врагу в течение всей войны не удалось перешагнуть линию нашей государственной границы...»

Норвежский народ высоко оценил вклад Красной Армии в дело освобождения его страны. «Мы имеем многочисленные доказательства дружбы и симпатии к нашей стране со

стороны правительства и народа Советской России. Мы [409] следили с восхищением и энтузиазмом за героической и победоносной борьбой Советского Союза против нашего общего врага. Долг каждого норвежца заключается в том, чтобы оказать максимальную поддержку нашему советскому союзнику». Эти слова принадлежат норвежскому королю Хокону VII, а высказаны они в его речи по радио 26 октября 1944 года. А вот телеграмма, полученная мной от Д. Вольда, министра юстиции Норвегии: «Я, как член норвежского правительства, испытываю желание, господин маршал, Вам, как командующему этим фронтом, принести мою искреннюю благодарность...»

Вылетая в Ставку, я не мог подозревать, что следующим большим этапом в моей жизни явятся боевые действия в Маньчжурии. 31 октября Михаил Иванович Калинин вручил мне, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 октября, звезду Маршала Советского Союза. Боевые заслуги советских воинов-освободителей достойно оценило и правительство Норвегии, наградив многих из них национальными орденами и медалями. Высокая честь была оказана и мне, получившему орден Святого Олафа. А в ноябре Полевое управление Карельского фронта перебазировалось в Ярославль. Прошло еще некоторое время, состоялась Ялтинская конференция трех держав, и меня уведомили, что я должен готовиться к отъезду на Дальний Восток. Соглашение трех великих держав, подписанное 11 февраля 1945 года, предусматривало, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии. [410]

На Крайнем Севере

Окружать не всегда нужно. — Выстрелы и дипломатия. — Есть над чем подумать. — Слева горы, справа море. — Уникальный план. — Перед наступлением. — По тундре. — От Пеленги до Никеля и Киркенеса.

После завершения операции в Южной Карелии возобновилась подготовка к разгрому немецких войск на Севере. Временное полевое управление фронта срочно было переброшено в Кандалакшу. Туда же направились и некоторые соединения из 7-й армии. Помимо того, что усиливались наши части в Заполярье, немалое значение имело и ослабление противника в результате отвода финнами своих войск с нашей территории. Теперь южный фланг немецкой 20-й лапландской армии обнажился, и мы получили возможность планировать удары не только фронтальные, но также и окружающие, с заходом в тыл врага.

Что именно намеревалось предпринять немецкое командование в связи с новой обстановкой, мы не знали. Но предполагали, что оно рано или поздно будет вынуждено отвести свои войска из Северной Финляндии. Чтобы не дать противнику уйти безнаказанно, Военный совет фронта 4 сентября предупредил командующих всех трех наших северных армий о возможном отходе врага и потребовал привести войска в полную боевую готовность, с тем чтобы немедленно по особому приказу фронта перейти в наступление.

Наши предположения до некоторой степени оправдались. Опасаясь выхода советских войск во фланг 18-го горнострелкового корпуса, немецкое командование 7 сентября начало отводить его с Ухтинского направления. Как только генерал Сквирский известил об этом штаб фронта, я немедленно приказал перейти к преследованию врага. Однако еще днем раньше было дано распоряжение 19-й армии [392] приступить к выдвиганию основных сил обходящей группировки в тыл 36-го немецкого армейского корпуса. К этому обходу наши войска готовились задолго до наступления. Они тщательно изучили

предполагаемый маршрут движения, до деталей продумали все вопросы прокладки колонных путей, построение походных колонн, обеспечение и охранение их на марше. Чтобы прокладка колонных путей не задерживалась, в голове каждой колонны должны были двигаться саперы, а головным стрелковым подразделениям роздали топоры, саперные лопаты, пилы и ломы. Перед выступлением все бойцы пополнили неприкосновенный запас продовольствия, увеличили запас патронов и ручных гранат. Ведь в тяжелых условиях лесисто-гористой местности района Пяозеро — Куйто, при почти полном отсутствии дорог и занятости нашей авиации в других местах снабжение частей, оторвавшихся от тыла, было бы сложной проблемой.

19-я армия оказалась на высоте. Совершив по трудной местности почти 100-километровый марш, она в ночь на 12 сентября внезапно для противника, далеко обходя его позиции, перерезала коммуникации. Одновременным прорывом на северном участке и обходом на Южном вспомогательном направлении армия поставила немцев перед угрозой разгрома. Опасаясь полного окружения, фашисты стали спешно покидать позиции. Бросая военное имущество и снаряжение, они устремились в сторону Северной Финляндии. Получив известие, что 19-я армия оседлала дорогу в районе Кайралы, я немедленно доложил об этом по прямому проводу первому заместителю начальника Генштаба генералу армии А. И. Антонову. Выслушав меня и попросив уточнить некоторые детали, он сказал: «Ждите распоряжения». Я ожидал приказа о боях на уничтожение окруженного врага. Но ночью мне принесли телеграмму, в которой говорилось: ни в коем случае не ввязываться в тяжелые бои с отходящими частями противника и не изнурять наши войска глубокими обходами; уничтожение фашистов вести в основном огневыми средствами, расставленными вдоль дороги, по которой те отходили.

Это была новая установка, и она мне, признаться, не совсем была понятна. Поэтому я позвонил в Ставку и попросил разъяснить, чем вызван отказ от наступательных действий на окружение 36-го немецкого армейского корпуса. Мне ответили приблизительно так: самое главное [393] сейчас — сохранить силы для решения первоочередной задачи в Заполярье: освободить Печенгскую область. Крайний Север имеет для Германии огромное значение. Там находятся разработки никеля и расположены важные военно-морские и авиационные базы, где сосредоточены подводные лодки и самолеты для действий на наших морских сообщениях. Немцы оттуда не собираются уходить. Их придется выдворять силой. Погоня же за 36-м корпусом потребует расхода резервов, без которых начинать операцию на Мурманском направлении будет невозможно. «Но разве я не смогу использовать имеющиеся резервы?» — спросил я. «Нет, — ответили мне, — Ставка вам ничего не даст. Наоборот, не исключена возможность, что в ближайшее время мы заберем у вас часть сил для переброски на Западное направление, причем речь пойдет именно о тех соединениях 19-й и 26-й армий, которые сейчас преследуют немцев».

Таков был военный аспект проблемы. В дальнейших разъяснениях он не нуждался. Мы обязаны были сохранить силы, имевшиеся в центральном районе Карельского фронта, для других фронтов, а самим надо было думать о том, как бы поскорее перебросить 31-й стрелковый корпус из-под Кандалакши к Мурманску, чтобы освободить Заполярье до того, как туда подоспеют отступавшие по финляндским тылам силы немцев. Стратегическая разведка установила, что Берлин не собирается оставлять свои базы в Северной Норвегии и никелевые разработки в Северной Финляндии. Но, как оказалось, имелся еще и политический аспект проблемы, о котором Ставка не могла либо не считала нужным сообщать в войска. Этот аспект раскрылся сам собою через две недели, когда отступавшие из районов Кандалакши, Ухты и Центральной Финляндии немцы добрались до Ботнического залива. Все это время шли переговоры Москвы с Хельсинки относительно соглашения о перемирии, и 19 сентября оно было подписано.

В сложившихся условиях пребывание немецких войск на территории Финляндии было для последней весьма опасным. Боясь, что Советское правительство укажет Финляндии на несоблюдение ею пунктов соглашения и возможных от этого последствий, Хельсинки были вынуждены силой выдворять немцев. Этот эпизод в историческом плане весьма поучителен. Даже на войне бывают случаи, когда политическое решение проблемы оказывается важнее и эффективнее военного решения. [394]

Линия нашего правительства была верной. Финляндский министр иностранных дел заявил германскому послу о том, что между их странами отношения порваны, и радировал еще в начале месяца во все концы Финляндии о выводе к 15 сентября немецких войск с финской территории. Не желая сражаться со своим бывшим союзником, командование вооруженных сил Финляндии обратилось в штаб 20-й горной армии немцев с предложением разрешить вопросы полюбовно. Как нам стало известно несколько позднее, немцы согласились лишь отодвинуть границу финской военной зоны до северного берега Ботнического залива. Дело в том, что накануне нападения на СССР Германия и Финляндия договорились о «разделе сфер влияния»: от порта Оулу тянулась на восток воображаемая линия, севернее которой все военные операции осуществляли немцы. Теперь линия сдвигалась с 65-й параллели примерно до 66-й и далее вдоль советской границы. Это значило, что Лапландия по-прежнему оставалась в руках немцев.

Между тем 19 сентября Финляндия приняла на себя обязательство изгнать либо интернировать все еще остававшиеся в ее пределах войска Германии. Вот здесь-то и вступили в действие те факторы, которые имело в виду наше правительство. В конце сентября финны попытались выдворить немцев из приморских городов Кеми и Торнио, и в течение первой недели октября им удалось это сделать, после чего они предприняли наступление на город Рованиеми. Там находился штаб 20-й горной армии, которой командовал немецкий генерал-полковник Л. Рендулич. Спалив дотла Рованиеми, оккупанты начали отступать на Петсамо, все разрушая за собой. Это возбудило в местном населении ненависть. Обманутые ранее официальной пропагандой, многие финны поняли теперь смысл происходившего. У них открылись глаза, и они стали помогать своим войскам изгонять немцев. К концу октября войскам Финляндии удалось расчлнить немецкие полки надвое. Одна их часть отошла на северо-запад, где удерживала район Кильписярви возле норвежской границы. Другая заняла позиции у озера Инари, прикрывая дорогу на Петсамо. В течение ноября финны медленно продвигались дальше, тесня отряды Рендулича. Им понадобилось целых шесть месяцев, чтобы очистить от немцев район Кильписярви. Но нас это не смущало, так как тот отдаленный участок не имел существенного значения. Гораздо важнее было, что немецкие [395] войска, отступившие в сторону Петсамо, соединились с находившимися в Северной Лапландии.

На дальнейшую помощь со стороны финнов рассчитывать не приходилось, так как к началу декабря они стали переводить свои вооруженные силы на мирное положение. Ликвидация немецкой группировки в районе от Петсамо до озера Инари и Киркенеса оставалась делом Карельского фронта. Так развернулись события в течение осени и позднее. Пока же, в середине сентября, нужно было дать толчок финнам, чтобы они приступили к операциям против Германии. Как мы видим, военный аспект проблемы тесно переплелся здесь с политическим.

То, что не сразу стало ясно и мне, оказалось совершенно непонятным командующему 19-й армией Г. К. Козлову. Когда я передал ему новое распоряжение, он долго не хотел поверить в случившееся. Идея окружения вражеской группировки была столь заманчивой, что мне пришлось повторять приказ в письменном виде, а затем туда выехал начальник Политуправления фронта генерал-майор К. Ф. Калашников со специальным заданием

проконтролировать выполнение. С этого момента преследование противника приняло мобильный характер, без трудных и длительных обходов. Наши войска гнали врага с советской земли, уничтожая его всеми видами огня. К 17 сентября 26-я армия вышла на довоенную государственную границу с Финляндией, а к 30 сентября очистила от фашистов советскую землю и 19-я армия.

Теперь почти вся советская граница от гранитных скал Лапландки до Ладужской низменности была восстановлена. Противник оставался пока лишь на Крайнем Севере, где, укрывшись за мощными железобетонными и гранитными укреплениями, стоял 19-й горнострелковый корпус немцев. В течение трех лет враг возводил здесь лапландский оборонительный вал. С выходом Финляндии из войны дополнительные оборонные работы носили просто лихорадочный характер. Наша разведка беспрестанно сообщала, что специальные строительные части противника круглые сутки вгрызаются в гранит, возводят новые железобетонные и бронированные огневые точки и укрытия, прокладывают траншеи и ходы сообщения. Перед нами на фронте длиной 90 километров тянулись надолбы и противотанковые рвы, густые минные поля и проволочные заграждения. Они перехватывали все горные перевалы, лощины и дороги, [396] а господствующие над местностью высоты представляли собой настоящие горные крепости. Кроме того, со стороны моря их прикрывала береговая и зенитная артиллерия в полевых капонирах. Меж укреплений лежали бесчисленные озера, речки, цепи отвесных скал, болота и топи.

Опираясь на оборонительный вал, немцы надеялись не допустить советские войска к Норвегии и сохранить свою базу на Баренцевом море. Всего петсамо-кирккенесская группировка насчитывала 53 тысячи солдат, 770 орудий и минометов, 160 самолетов и 200 кораблей. Штабу Карельского фронта (новый начштаба с осени — выдвинутый на эту должность по моему предложению генерал-лейтенант А. Н. Крутиков) и командующему фронтом было над чем поломать голову. В перехваченном нами приказе командир 2-й горноегерской дивизии генерал-лейтенант Деген, ссылаясь на приказ Гитлера во что бы то ни стало удержать позиции в Северной Финляндии, в частности район, никелевых разработок, писал: «Мы дадим, русским возможность нахлынуть на сильно укрепленные опорные пункты, а затем уничтожим их контрударом. Все преимущества на нашей стороне. Наличие, готовых к контрударам маневренных резервов даст нам возможность, нанести удар в тот момент, когда противник истечет кровью от, воздействия смертоносного огня наших опорных пунктов. Нам приказано удержать фронт, несмотря на политические изменения в Финляндии. Это значит, что фронт будет удержан. Вам известно, почему так должно, быть: нам нужны никель и медь, вырабатываемые на заводе в Колосоюки. В ближайшие дни здесь снова начнут дымиться плавильные печи. Кроме всего прочего, мы должны именно здесь доказать русским, что еще существует немецкая армия и держит фронт, который для них недостижим».

Гитлеровцы продолжали подбрасывать на север подкрепления и по суше, и по воздуху, и морем. На полуострове Варангер в горах обосновалась в тылу противника разведгруппа отряда особого назначения Северного флота. Три смельчака во главе с В. Лянде регулярно сообщали своему командованию о движении вражеских транспортов по Варангер-фьорду. Из сообщений, пересылаемых и нам, явствовало, что район между Петсамо и Киркенесом быстро наполняется войсками. Медлить было нежелательно.

В ходе подготовки к наступлению мы неоднократно обсуждали различные варианты наилучшего использования [397] боевых сил фронта. Большинство стояло за маневренные действия. Но раздавались голоса и против. Некоторые утверждали, что маневр крупных масс войск и тяжелой техники в Заполярье невозможен. Эти командиры были не правы.

Но их мнение по-своему объяснимо. Оно отражало специфику местных природных условий. Как известно, немцам после начала войны менее всего удалось вклиниться на нашу территорию именно в районе Мурманска. И хотя главную роль сыграли здесь стойкость и мужество советских воинов, определенное значение имели и крайне неблагоприятные для организации наступления ландшафтно-климатические особенности Мурманской области. Конечно, за истекшие три года природа здесь не изменилась, так что теперь уже нам, а не немцам нужно было преодолевать прочную оборону противника в условиях, казалось бы, прямо созданных для того, чтобы пресечь любые попытки активных боевых действий. С этой точки зрения боевые операции в Заполярье являлись в истории Великой Отечественной войны уникальными, ибо нигде более нам не довелось обороняться и наступать в такой природной зоне. Мало того, эти операции были по-своему единственными во второй мировой войне вообще, а если принять во внимание массу действовавших войск и современные технические средства, то и во всей военной истории. Отсюда вытекает и их поучительность со всеми их успехами и недостатками.

Чтобы читатель, не являющийся по профессии военным или не бывавший в тех местах, понял, что имеется в виду, остановимся вкратце на описании местности. Представьте себе приморское плоскогорье, лежащее севернее Полярного круга. С частично не замерзающего, но все же весьма холодного моря еще дуют характерные для мурманского лета сильные ветры в глубь континента. Они перемежаются с уже набирающими силу зимними ветрами в сторону моря. При очень частой осенней непогоде снег мешается с дождем, а ночами сплошь и рядом бывают заморозки. Холодный воздух постоянно насыщен влагой. Нередко сквозь туманы Гольфстрима прорывается дуновение Северного Ледовитого океана, и тогда становится совсем невесело. Под ногами тундра, сырая и какая-то неуютная, снизу веет безжизненностью: там, в глубине, начинается лежащая островками вечная мерзлота, а ведь солдатам приходится спать на этой земле, подстилая под себя лишь одну полу шинели. [398]

Вокруг светятся бесконечные озера. Между ними хлюпают болота с кочками, мхами, лишайниками и карликовыми деревцами. Серые торфяники исполосованы частыми трещинами, из которых брызжет ледяная вода. Порой земля вздымается голыми громадами гранитных скал. Они рассечены быстрыми и порожистыми реками, текущими в основном с юго-запада на северо-восток. А продвигаться нам нужно на запад. Это значит, что все реки придется форсировать, одну за другой. Люди мерзнут здесь сильнее, чем в более холодных районах, но с континентальным климатом. Замерзают и машины: разогреть моторы очень трудно; горючего уходит гораздо больше нормы, а его-то и не хватает, что существенно снижает возможности использования техники. Немало забот вызывали и химические грелки. Так как единственная железная дорога осталась в стороне, то подвозить снаряжение, продовольствие и боеприпасы приходилось на кораблях (увы, лишь до берега), на плохо работавших автомобилях, на лошадях, которых нечем было кормить, и на капризных оленях. Все мало-мальски пригодные для продвижения места были перехвачены со стороны немцев лапландским оборонительным валом, а в промежутках царило дикое бездорожье.

Тем не менее нужно было воевать. И не просто воевать, а наступать, бить врага, гнать его и уничтожать. Пришлось вспомнить слова великого Суворова: «Где прошел олень — там пройдет и русский солдат, а где не пройдет олень — там все равно пройдет русский солдат». Войска Карельского фронта прошли там, где никогда не ступала нога человека, доказав всему миру, что наша армия способна преодолеть любые преграды.

В основе нашего плана предстоящей операции лежала идея флангового обхода главных сил 20-й лапландской армии и главных укреплений противника, прорыва южнее озера

Чап с последующим маневром основных соединений фронта и кораблей Северного военно-морского флота на окружение и разгром вражеской группировки в районе Петсамо, чтобы прижать ее к морю и отсечь от норвежских портов. На Петсамо (Печенгу) вело четыре дороги. Одна — из Линахамари, лежавшего севернее, у горловины фьорда Петсамо-йоки, Туда раньше времени нашим кораблям нельзя было соваться, а иных подходов, кроме как с моря, не было. Другая дорога шла с запада, из норвежской гавани Тарнет. Эта дорога для нас была пока недоступна. [399]

Третья тянулась с востока, от селения Титовка-Река, лежавшего в сердце немецких позиций. И сюда сразу не доберешься! Четвертая, с юга, соединяла Петсамо с Луостари узлом ряда других дорог. Вот этот-то узел и приковал к себе наше внимание. Нужно было прорваться в район Луостари, вонзившись в тыл врага и оттянув сюда его силы с оборонительного вала, дать возможность преодолеть этот вал с трех сторон комбинированными ударами сухопутных частей и морской пехоты, а тем временем развивать успех из Луостари также в трех направлениях: на Петсамо, в сторону норвежской территории и на Никель — Наутси, где лежала важная промышленная база немцев с подъездными к ней путями. Конечной целью операции являлось полное очищение от врага советской земли на Севере и содействие освобождению Норвегии. Главный удар на Луостари наносили 99-й и 131-й корпуса 14-й армии, а также 126-й и 127-й легкострелковые корпуса. Последние должны были совершить глубокий обходный маневр по тундре и перерезать коммуникации противника, а с рубежа Луостари вводилась в бой в направлении на Петсамо 7-я гвардейская танковая бригада, которая должна была воспрепятствовать отходу врага в Норвегию.

В таком виде план был доложен Ставке и утвержден с небольшими поправками. Северному флоту ставилась задача: блокировать побережье, занятое противником, и изолировать петсамскую группировку со стороны моря, содействовать 14-й армии в рассечении неприятельской обороны и овладении портами; береговой артиллерии, кораблям огнем поддерживать наступление наземных войск на приморском участке. Для окончательного согласования совместных действий 29 сентября на КП фронта прибыли командующий Северным флотом А. Г. Головкин и член Военного совета флота А. А. Николаев. Решили, что бригады морской пехоты, входившие в состав Северного оборонительного района, прорвут фронт противника на перешейке полуострова Среднего, после чего отрежут вражеским войскам пути отхода с основных рубежей по реке Западная Лица и затем будут сами наступать на Петсамо, как только 14-я армия прорвет главную полосу обороны. Кроме того, флот обеспечивал высадку морского десанта, перевозку прибывавших резервов и снабжение 14-й армии из Мурманска. [400]

Перед началом операции мне все чаще приходилось задерживаться в соединениях. Возникали всевозможные вопросы, которые требовалось решать на месте и без промедления. Самым трудоемким делом оказалась перегруппировка войск, а также накопление боеприпасов, горючего, смазочных масел, продовольствия, инженерных средств и дров. Получилось так, что на разрешение тыловых вопросов командованием фронта пришлось потратить даже несколько больше времени, чем на оперативные проблемы. Надвигалась полярная ночь, близилась зима. Приходилось заранее завозить в войска припасы на будущее, да еще с учетом того, что армии придется многое тащить с собой по бездорожью в ходе боевых действий.

Немалую помощь оказали командованием политработники. В те напряженные дни они трудились круглые сутки. В Политуправлении фронта почти никого не было; люди находились в дивизиях и корпусах. Все знают, что во время гражданской войны нередко на входных дверях партийных и комсомольских районных организаций висели

объявления: «Райком закрыт, все ушли на фронт». Думаю, что политорганы Карельского фронта с тем же успехом могли тогда вывесить таблички: «Политуправление фронта закрыто, все ушли в соединения» или: «Политотдел закрыт, все ушли в части». Конечно, кто-то дежурил, но вся политработа кипела тогда у переднего края.

1 октября мы выехали на наблюдательный пункт 14-й армии, откуда с командармом Щербаковым отправились еще раз осмотреть местность, удостовериться в проведении намеченных работ, встретиться с командирами и солдатами. А через два дня, совершив переход на оленях, а потом на лыжах, я окончательно переселился в тундру, поближе к войскам. Туда же перешло и Полевое управление фронта. Перед началом наступления мы с членом Военного совета Т. Ф. Штыковым посетили 131-й стрелковый корпус, который должен был вести бои на главном направлении. В корпус входили две стрелковые дивизии — 10-я гвардейская и 14-я. Это были те самые дивизии, которые осенью 1941 года преградили путь немецко-фашистским захватчикам на Мурманск. Штыков поехал в 14-ю дивизию, а я в 10-ю. Последняя получила свое гвардейское звание за сентябрьские бои 1941 года. Командовал ею генерал-майор Х. А. Худалов. С ним мы побывали в полках и батальонах. Дивизия состояла в основном из бывалых воинов. У многих виднелись [401] на груди ордена и медали. Одним из них был ефрейтор Михаил Ивченко, через сутки своим телом закрывший амбразуру вражеского дота. Я приказал собрать в одно место орденосцев. Через полтора часа за гранитной скалой, нависшей над котлованом, сидело около ста человек. Это были надежные и бесстрашные воины. После душевной беседы о «делах житейских», длившейся около получаса, я рассказал, какие мощные силы будут обеспечивать наступление фронта, а затем обратился с такими словами:

— Солдаты! Завтра утром наши войска переходят в наступление, чтобы изгнать немецко-фашистских захватчиков и освободить советское Заполярье. Именно вам, гвардейцам, кто долгие месяцы держал в сопках оборону, закрыв все пути к Мурманску, Военный совет фронта доверяет нанести первый удар по врагу. Надеемся, что вы оправдаете доверие.

— Оправдаем, товарищ генерал армии! — хором ответили солдаты и сержанты.

С тех пор прошло почти четверть века, но у меня в ушах как будто все еще стоят их голоса.

В ту ночь я долго не спал. То одно, то другое приходило на ум, беспокоило, терзало. Перед наступлением всегда так бывает, и сколько бы раз это ни повторялось, успокоение не приходит. «А как поведут себя танки?» — думалось мне.

Дело в том, что мы решили применить (впервые в условиях Крайнего Севера) тяжелые танки «КВ». К такому решению пришли в результате тщательного изучения противотанковой обороны противника, которая почти на всем протяжении фронта была построена с учетом поражения легких и средних танков. Но фронт своих тяжелых танков не имел. Пришлось обращаться в Ставку. Любопытно отметить, что моя просьба вызвала удивление. Мне даже попытались объяснить, что средние танки «Т-34» лучше, чем «КВ», что они обладают более высокой маневренностью и проходимостью и имеют достаточно крепкую броню. «КВ» считались уже устаревшими. Наконец Ставка согласилась, и мы получили полк тяжелых танков. Забегая вперед, скажу, что они сыграли огромную роль.

Беспокоила меня мысль и об амфибиях. Для безостановочного преодоления водных преград, особенно при движении вдоль побережья, которое пересекается многочисленными реками и фьордами, нам прислали (по нашей просьбе, конечно) плавающие автомашины — два батальона. [402]

Предполагалось, что эти батальоны будут придаваться тем соединениям и частям, на пути которых в ходе наступления возникнут водные преграды. Картины пересекающих фьорды амфибий сменялись в мозгу образами взлетающих на воздух мостов: мы послали в тыл противника не простых разведчиков, а три отряда саперов, подготовленных энергичным инженером подполковником Д. А. Крутских. От этих отрядов поступали ценные донесения, которые держали командование в курсе изменений, происходивших в обороне противника. Помимо этого саперы контролировали дороги, подрывали мосты и уничтожали телефонные линии, внося дезорганизацию в работу немецкого тыла. Наконец, они неоднократно наводили нашу штурмовую и бомбардировочную авиацию на скопления вражеских войск. Предполагалось в ходе наступления забросить в тыл противника еще два таких же отряда, и я размышлял о том, где и как им лучше было бы действовать.

Наступило утро 7 октября. За несколько минут до начала артиллерийской подготовки я прибыл на наблюдательный пункт. Там уже находился командующий артиллерией генерал Дегтярев и другие ответственные лица из управления фронта. Перед нами лежала пустынная, спокойная тундра. Чуть дымились под легким ветерком сопки. Накрапывал дождь. Ничто не напоминало о присутствии войск. Стояла полная тишина. Стрелка часов приблизилась к 8.00. И тут раздался мощный грохот, переросший в сплошной гул. Началась артиллерийская подготовка атаки. Два с половиной часа артиллерия вела огонь. К концу артподготовки уже невозможно было что-либо рассмотреть в расположении противника. Все пространство, насколько хватает глаз, покрылось густым черным дымом. А затем повалил мокрый снег, и видимость с воздуха окончательно исчезла. Вылет авиации для нанесения бомбовых ударов пришлось отменить. Однако изменять все прочее было уже поздно. Правда, мы предвидели каверзы со стороны погоды и поставили перед «богом войны» дополнительные задачи, так что теперь на артиллерию возлагались все надежды. Точно в 10.30 она перенесла огонь в глубину, и уже через несколько минут до НП долетело «ура!». Это пошла в атаку пехота. Наступление началось.

131-й корпус в первый же день достиг реки Титовка. Менее удачно развивались первоначально дела у 99-го корпуса. Ему не удалось овладеть опорными пунктами врага в [403] главной полосе обороны. Поднявшиеся в атаку стрелковые подразделения первого эшелона, попав под сильный огонь, вынуждены были залечь. Тогда комкор генерал-майор С. П. Микульский, всегда отличавшийся инициативой и настойчивостью, принял хотя и дерзкое, но правильное решение: раз не удалось сломить противника днем, попытаться сделать это ночью. Ровно в 24.00, проклиная на чем свет стоит гитлеровцев и непогоду, солдаты рванулись вперед, и на этот раз фашисты не выдержали. К восьми утра передний край врага был в наших руках.

Как только на КП получили донесение, что оборона противника прорвана, я поехал на место сражения. Всюду видны были следы работы нашей артиллерии: валялись подбитые орудия и минометы, темнели развороченные огневые точки и укрытия. Среди множества трупов в грязно-зеленых шинелях с жестяными эдельвейсами на пилотках попадались и трупы в комбинезонах. Рядом лежали перфораторы, в укрытии стоял компрессор. Видно было, что немцы до самой последней минуты продолжали возводить оборонительные сооружения.

Вечером 9 октября я связался по прямому проводу с А. Г. Головкин и передал ему, что пришла пора для наступления с полуострова Среднего. Одновременно я приказал командарму В. И. Щербакову двинуть вперед войска группы генерал-лейтенанта Б. А. Пигаревича. В нее входили соединения, располагавшиеся восточнее реки Западной Лица, в том месте, где немцы глубже всего вклинились в нашу территорию, пытаясь дотянуться

до Мурманска. В сильный снегопад группа войск Пигаревича перешла в наступление. В ту же ночь моряки высадили десант во фьорде Маттвиуоно, перевалили через хребет Муста-Тунтури и, отрезав часть немецких сил, двинулись на Петсамо.

Хорошие сообщения поступали и с крайнего левого фланга. Здесь 126-й легкострелковый корпус под командованием полковника В. Н. Соловьева успешно совершал обходный маневр. Все металлические предметы заранее были обернуты, артиллерия, минометы и пулеметы навьючены на лошадей и оленей. Шли очень тихо. Тяжело пришлось при форсировании рек. Поднимая над собой оружие и боеприпасы, бойцы двигались по груди в ледяной воде. На подходах к вершине Куорпукас солдаты, как альпинисты, карабкались по диким и скользким гранитным сопкам. Но ничто не могло их остановить. «Поход через тундру — это сам по [404] себе героический подвиг, который под силу только советскому воину, беспредельно преданному своему воинскому долгу, своей Родине» — так писала газета «Правда» в номере от 6 декабря 1944 года.

На четвертый день беспримерного похода 126-й корпус достиг дороги Петсамо — Салмиярви и западнее Луостари перерезал ее. Лишившись основной коммуникации, обеспечивавшей выход на юг, противник бросил против корпуса все, что имел под руками. «Все полностью моторизованные части, — вспоминал немецкий генерал-лейтенант Хелитцер, — все части, которые могли быть погружены на транспортеры, форсированным маршем направлены в район Колосиоки».

Перед нашими стрелками появилась затем и самокатно-разведывательная бригада «Норвегия», и батальон аэродромного обслуживания, и многие другие вражеские части и подразделения. «Все промелькнули перед нами, все побывали тут...» Но корпус отбил ожесточенные атаки, а затем снова начал продвижение, перехватив и вторую дорогу: Петсамо — Тарнет. Теперь северная группировка противника была лишена своих последних наземных коммуникаций.

По стопам собрата шел 127-й легкострелковый корпус под командованием генерал-майора Г. А. Жукова. Ночью он овладел аэродромом в Луостари, а затем совместно со 114-й дивизией 99-го корпуса очистил этот населенный пункт от вражеских войск. Противник, продолжавший удерживать Петсамо, был теперь обложен со всех сторон, так как с востока подходили морская пехота и соединения группы Пигаревича, с юга рвался 131-й корпус, на западе контролировала обстановку 72-я морская бригада, а с севера угрожал десант Северного флота, овладевший 13 октября гаванью Линахамари. Приближалась развязка. Два дня новых яростных схваток — и над Петсамо взвился красный стяг. Еще в 1533 году русские возвели в Печенге свои первые хижины. Затем старинный порт, лежащий в начале широкой и удобной для мореходов губы, не раз менял «хозяев», пока история не возвратила ему право красоваться под флагом потомков его первопоселенцев.

Вырвавшиеся из окружения остатки разбитых фашистских частей, ускользнувшие от разгрома, потянулись к Северной Норвегии. Отступая, они придерживались тактики тотального разрушения: взрывали мосты и дорожные трубы; [405] ломали придорожные скалы, заваливая проходы; бомбили с самолетов дорожное полотно; минировали не только самые дороги, но и их обочины, в особенности горные дефиле и объезды.

Оставляя арьергарды на заранее подготовленных промежуточных позициях, противник старался замедлить темп продвижения наших войск, с тем чтобы оторваться от них и выиграть время для занятия обороны на двух новых рубежах — в Северной Норвегии и в районе Никеля. Таким образом, перед нами встала двоякого рода задача: завершить

разгром фашистской армии в районе Никеля, лишив немцев важнейшего промышленного района; нанести удар по базам фашистского флота в Северной Норвегии и помочь ее жителям освободиться от оккупационного гнета. Это значило, что Красной Армии необходимо было перейти норвежскую границу.

Русские люди встречались с норвежцами именно здесь еще 700 лет назад. Тогда «господин Великий Новгород» заключил дружественное соглашение с подданными норвежского короля Хокона Хоконсона о пограничной зоне у Кольского полуострова. И вот через семь веков опять нужно было решать вопрос об упрочении между двумя странами добрососедских отношений. Мурманская область граничила с норвежской областью Финмарк, а нашему 131-му корпусу, подступившему к норвежской границе у озера Вуоремиярви, довелось первым утвердить сей факт.

Что касается района Никеля, то оборона его была возложена на группу войск, возглавленную немецким генералом Фогелем. Собрав в один кулак части и подразделения, отступившие от Луостари и перебазировавшиеся сюда из Финляндии, Фогель надеялся, согласно директиве из Берлина, затянуть сопротивление на возможно более длительный срок. Однако Карельскому фронту понадобилась всего неделя, чтобы дойти до Никеля, и еще пять дней на преодоление с боями 80-километровой гранитно-болотистой пустыни, отделявшей гору Куорпукас от Наутси. 27 октября 31-й корпус генерал-майора Минзакира Абсалямова ворвался в Наутси с востока, а 127-й легкострелковый корпус — с севера. Южнее лежала вышедшая из войны Финляндия.

Сложнее обстояло дело с немецкими базами в Северной Норвегии. Узнав о выходе наших войск на норвежскую границу, я тотчас доложил об этом И. В. Сталину и попросил [406] разрешения на переход ее. Одновременно изложил соображения командования фронта по овладению Киркенесом — главной морской и воздушной базой фашистов в данном районе. Откровенно говоря, я ожидал наряду с согласием услышать еще всевозможные указания относительно политической линии поведения войск. Ответ Верховного главнокомандующего на заданный вопрос оказался весьма кратким: «Это было бы хорошо!» Так начались операции в Норвегии. Это была к тому времени седьмая страна, которой Красная Армия несла освобождение от гитлеровского ига.

22 октября 131-й корпус начал бой за город Тарнет. Одновременно морская пехота при артиллерийской поддержке флота очищала побережье. Отходя к Киркенесу, противник во все больших масштабах применял различные заграждения и производил всевозможные разрушения на дорогах. Путь на Киркенес был сильно заминирован, а подвесной мост через фьорд взорван. Это замедлило темпы нашего продвижения, которое осуществлялось под артиллерийско-минометным обстрелом, мешавшим разминированию. Тогда мы попытались обойти врага, форсировав Яр-фьорд на амфибиях и рыбацких лодках. Берега фьорда были скалисты и обрывисты. Найти место для спуска оказалось делом нелегким. Наконец амфибии вошли в залив. Спереди и слева рвались снаряды, справа набегали крутые волны, крутились воронки и водовороты. Лодки оказались более устойчивыми, чем легкие амфибии. Некоторые из амфибий переворачивались и тонули. Большую помощь оказали бойцам норвежские патриоты, вышедшие в море на двух мотоботах. Они спасали экипажи подбитых амфибий и, несмотря на обстрел, переправляли их на другой берег. Когда затем при форсировании Эльвенес-фьорда пришлось начинать все сначала и 14-я дивизия наводила десантную переправу на плотках, местные жители снова оказали нам поддержку. Особенно врезались мне в память имена рыбаков Перла Нильсена, Турольфа Пало и Моргена Генсена. Эти патриоты рассматривали боевые успехи Красной Армии как свое кровное дело и не щадили сил, чтобы хоть чем-нибудь помочь русским братьям. Так же поступали в Бек-фьорде Мартен Хандсен и Усланд Хансен.

В 9 часов утра 25 октября наши передовые части ворвались в Киркенес. Невеселая картина открылась их глазам. Отступая, немцы взорвали все портовые сооружения, разрушили административные здания и жилые помещения. [407]

Лишь на окраине города кое-где стояли чудом уцелевшие домики. Когда смолкли выстрелы и установилась тишина, стали появляться жители города, выходившие из пещер, где они вынуждены были скрываться от фашистов. Киркенесцы радостно встречали советских воинов. Трогательно было видеть, как обычно сдержанные северяне со слезами на глазах обнимали своих освободителей. Девушки окружили вниманием и заботой наших раненых бойцов. Юноши помогали им добираться до госпиталей.

Сейчас в центре Киркенеса стоит фигура советского бойца с автоматом в руке. Это каменное изваяние создано норвежским скульптором С. Фредриксенем. На памятнике виднеется надпись: «Отважным советским солдатам в память об освобождении города Киркенеса в 1944 году».

О Киркенесе у нас писали не раз, причем все время в таком духе, что у читателей могло сложиться представление, будто в Северной Норвегии объектом освобождения явился едва ли не один Киркенес. Но это не так. Назову наиболее значительные населенные пункты, которые тоже видели в те дни красные звезды на солдатских шапках: Кояг-Оскар-П, Крофтфетербукт, Стурбукт, Тарнет, Бьерневанн, Саннес, Фоссторд, Виерлунн, Трангсунд, Сванвик, Воктерболиг, Лангфьордботн, Бухольмен, Мункельвен, Нейден.

Нейден был последним пунктом, до которого дошел Карельский фронт. Дальнейшее преследование противника было нецелесообразным. Рассредоточившиеся группы немцев попадали в плен к борцам норвежского Сопротивления. Впереди лежал полупустынный, горный, весь изрезанный фьордами район. Приближалась полярная ночь. Начались сильнейшие снегопады, на дорогах появились заносы и почти непреодолимые завалы. Высланная от Нейдена на северо-запад разведка донесла, что движение сопряжено с громадными трудностями, а противника нет.

На созванном 28 октября Военном совете фронта мы констатировали, что операция подошла к концу. Задачи, которые были поставлены Карельскому фронту и Северному флоту, выполнены полностью: немецко-фашистские захватчики разгромлены, а их остатки выброшены с Советского Севера. Оказана помощь в освобождении Норвегии. В ночь на 29 октября я позвонил в Ставку и доложил о решении Военного совета фронта завершить на этом операцию. «Хорошо, — ответил мне подошедший к телефону [408] И.В. Сталин, — мы обсудим ваше предложение. Вы же разберитесь во всем основательно, подумайте о возможных деталях еще раз и вечером доложите окончательно».

На командном пункте 14-й армии я, мой заместитель В. А. Фролов и командарм Щербаков изучили ситуацию еще раз. Все говорило о том, что дальнейшее продвижение в военном отношении бесперспективно. Я вылетел в Мурманск.

Вернувшись в Мурманск, я порадовался скорому возвращению, так как тут же позвонил И. В. Сталин. «Мы согласны с решением Карельского фронта, — сказал он. — Дальше в глубь норвежской территории не продвигаться! До получения указаний об использовании войск фронта надежно прикройте основные направления на достигнутых рубежах и создайте сильные резервы, а сами выезжайте в Ставку».

Так закончилась Петсамо-Киркенесская операция, приведшая к установлению мира на Крайнем Севере. Победы воинов Заполярья Москва трижды отмечала торжественным

салютом: в первый раз — 15 октября, после освобождения Печенги; во второй — 25 октября, когда наши войска пересекли государственную границу Норвегии и затем овладели Киркенесом; в третий раз — 1 ноября, когда Карельский фронт полностью очистил от немецко-фашистских захватчиков Печенгскую область. В ознаменование одержанных побед и в память о героической обороне Заполярья в 1941 — 1944 годах Президиум Верховного Совета СССР учредил медаль «За оборону Советского Заполярья». В бронзе медали запечатлен советский солдат в полушубке, шапке-ушанке и с автоматом в руках. Он изображен на фоне боевых кораблей, самолетов и танков. Эта медаль является ныне напоминанием о трудных и славных делах наших воинов. «Героическая защита Заполярья, — писала 6 декабря 1944 года газета «Правда», — войдет в историю нашего народа как одна из самых ярких, самых запоминающихся страниц. Здесь враг был остановлен осенью 1941 года. Здесь находится участок, где врагу в течение всей войны не удалось перешагнуть линию нашей государственной границы...»

Норвежский народ высоко оценил вклад Красной Армии в дело освобождения его страны. «Мы имеем многочисленные доказательства дружбы и симпатии к нашей стране со стороны правительства и народа Советской России. Мы [409] следили с восхищением и энтузиазмом за героической и победоносной борьбой Советского Союза против нашего общего врага. Долг каждого норвежца заключается в том, чтобы оказать максимальную поддержку нашему советскому союзнику». Эти слова принадлежат норвежскому королю Хокону VII, а высказаны они в его речи по радио 26 октября 1944 года. А вот телеграмма, полученная мной от Д. Вольда, министра юстиции Норвегии: «Я, как член норвежского правительства, испытываю желание, господин маршал, Вам, как командующему этим фронтом, принести мою искреннюю благодарность...»

Вылетая в Ставку, я не мог подозревать, что следующим большим этапом в моей жизни явятся боевые действия в Маньчжурии. 31 октября Михаил Иванович Калинин вручил мне, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 октября, звезду Маршала Советского Союза. Боевые заслуги советских воинов-освободителей достойно оценило и правительство Норвегии, наградив многих из них национальными орденами и медалями. Высокая честь была оказана и мне, получившему орден Святого Олафа. А в ноябре Полевое управление Карельского фронта перебазировалось в Ярославль. Прошло еще некоторое время, состоялась Ялтинская конференция трех держав, и меня уведомили, что я должен готовиться к отъезду на Дальний Восток. Соглашение трех великих держав, подписанное 11 февраля 1945 года, предусматривало, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии. [410]

Мерецков К.А. На службе народу. — М.: Политиздат, 1968.